

И.Ю. Кобзев

**НЕЗРИМОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
(почти рассказ)**

Это путешествие в лето. Нет, не в «лето от сотворения мира такое-то», а в лето, вольно раскинувшееся в моем имени на все три месяца между маем и сентябрем. Лето медленно движется от июньских рододендронов и душистой земляники, через аромат июльских роз и сладость слив к сочным августовским яблокам и приторной ежевике. Жара сменяется дождями, которые быстро забываются в череде новых жарких дней. Их медленное течение покачивает мой «корабль» - беседку на холме, которую я вижу из окна моего кабинета. Ее траектория – это не прямая, не кривая и даже не замкнутая линия, а... точка.

- Как точка?

- Так, точка,

- Но разве точка может быть траекторией путешествия?

- Моего – может.

- Что же это за путешествие в неподвижной точке?

- А это незримое путешествие – его не видит никто, кроме меня. Все видят меня, сидящим в своем саду в беседке за письменным столиком над раскрытой тетрадью, но никто не видит, как беседка моя тихо плывет навстречу облакам, медленно поднимаясь над лужайкой, над соснами клумбы «Крым», над крышей моего дома, как шелестят под ней верхушки старых ясеней и кленов, как далеко внизу скользят по лугам и лесам тени облаков, и вот уже я вижу как вдали блеснула лента Дуная, за которой соткались из воздуха синие громады Альп в снежных коронах...

- А-а-а, так это воображение! Это тот же «мост с бельведером, из которого Петербург видно», как мечтал Ваш прототип в таком же «храме уединенного размышления» за двести лет до Вас.

- А Вы-то сами чьим прототипом являетесь?

- А я прямо из Гераклитового определения являюсь,

- Из какого определения?

- Как же, разве не помните: «Человек всегда находится в присутствии своего даймония»

- А-а-а, так Вы мое воображение!

- Может еще скажете, что и Гераклит это Ваше воображение?

- Нет, не скажу. Гераклита я знаю, хотя и... в своем воображении,

- Значит, это и не воображение вовсе, а...

- А что?

- Я думаю, что это просто зрение такое. Просто зрение – Вы же знаете, что человек видит не глазами, а мозгом. У кого какой мозг, у того и зрение такое...

- Вот, вот, такое зрение... Такое зрение, что я вижу море: Черное, Эгейское, Ливийское, Ионическое, Адриатическое - мое море, волны которого лижут берега Крыма, Крита, Самоса, Корфу, Истрии. Здесь я живу... Точнее – только здесь я и живу,

- Иногда?

- Всегда,

- И давно?

- Давно – всю свою жизнь, а может быть и не только свою, но и жизнь Платона, Пифагора, Плифона и многих других моих героев...

- Понимаю – иллюзорная жизнь, виртуальное путешествие?

- Нет, это моя подлинная жизнь. Правда, в ней были перерывы, лакуны, так сказать «интроны» общей длинной в тридцать с небольшим лет иллюзорной жизни в качестве воображаемого чиновника мнимого государственного учреждения. Но тридцать лет – разве это срок по сравнению с вечностью прибою и стрекотания цикад в оглохшем от жары воздухе? Это просто тяжелый сон, тот самый сон разума, который порождает чудовищ – чудовищ мнимой жизни. Но вот ты пробуждаешься от этого тяжелого сна и

невольно улыбаешься, вспомнив что за окном тебя ждет твоя июньско-июльско-августовская вечность...

- ... у Эгейско-Ливийско-Ионическо-Черного моря?

- У моря

- Среди сосен, олив, можжевельника и лаванды?

- Среди сосен, олив, можжевельника и лаванды,

- И все это не выходя из своей беседки в саду?

- Почему не выходя? Я же гуляю по саду, рисую на веранде, пишу в своем кабинете – мой мир не ограничивается одной беседкой,

- А чем он ограничивается – Вашим воображением, то есть Вашим зрением?

- Он ничем не ограничивается. Может быть только моей любовью: я обнимаю собой все то, что люблю, и тогда начинаю видеть, слышать и обонять этот мой мир в его удаленном прошлом и в его удаленном настоящем.

- А как же точка?

- Точка? А знаете как Гермес Трисмегист определил Бога?

- Как?

- Как окружность, край которой нигде, а центр – везде. Вот и моя траектория-точка находится везде. Везде, где я действительно жил... и живу.

- ... и будете жить вечно? По-моему Вы присвоили себе божественные атрибуты,

- Почему присвоил? Божественные атрибуты даны человеку от рождения – Вы разве не слышали насчет «образа и подобия»?

- Ну это всего лишь метафора,

- Нет не метафора, а точное научное определение,

- Да? И кто же его дал?

- Да вот хотя бы Демокрит: «Все что мы знаем о мире, это то, что в нем есть человек». По-сути это первая формулировка антропного принципа.

- И Вы полагаете, что это истина?

- Это истина вне зависимости от того, что я полагаю.

- Какая-то она... точечная что ли эта Ваша истина,

- В каком смысле «точечная»?

- В том смысле, что ничего из нее нельзя вывести. Это голая аксиома, которая является просто символом веры и никогда не сможет обрести реальным знанием. Что-то вроде последней теоремы из «Логико-философского трактата» Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». И все! Как у Лао Цзы: «Знающий не говорит, говорящий не знает». Конец всякого рационального познания.

- Все божественные истины таковы – они точечны, как Вы выразились, из них знания не построишь. Они по необходимости просты, ведь сложность это атрибут мира, а Бог – это не мир, Он ведь не обладает бытием, как заметил еще Дионисий Ареопагит. Бога можно только «не знать», как это сформулировал Николай Кузанский, а если и познавать, то только апофатически, через познание мира...

- Не знать, не познавать... тогда и не путешествовать!? Вы это имели в виду?

- Именно это, Вы угадали. Ведь зачем человек путешествует? Чтобы открыть в себе что-то, чего он еще не знает, какие-то свои скрытые стороны, свойства, способности, которые вдруг проявятся при столкновении с неожиданностями путешествия. А если человек уже все о себе знает? Тогда путешествие вырождается в точку, в которой человек сидит и мысленно вращает в своих руках многогранник своего мира, всматриваясь в ту или иную его грань: на этой написано «Крит», на другой – «Крым», а вот «Корфу» - и брызги соленого Ионического моря попадают мне в глаза, превращаясь в слезы, которыми сопровождается мое «незримое путешествие»...